

ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДОКСОМОРФНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье предлагается логико-семиотический анализ такой особой познавательной формы, как мнение, артикулированной в виде определенной повествовательной структуры – доксоморфного дискурса.

Ключевые слова: докса, знаковое мышление, семиогенез, означающая деятельность, супрасегментарная функция, параграмматизм.

Abstract. In article is offered the logic-semiotics analysis of such special cognitive form, as the opinion articulated as the certain narrative structure – doxamorphic discourse.

Keywords: doxa, sign-thinking, sign-genesis, significance activity, suprasegmentary function, paragrammatisation.

Мнение, или доксоморфный дискурс, следует интерпретировать как семиотический, или синтактико-семантический, процесс, реализующийся в различных видах означающих практик, которые осуществляются через язык, но не сводятся к его категориям, поскольку, хотя они и располагаются в языке, их отношение к языку носит перераспределительный, или деструктивно-конструктивный, характер. При этом взятый в топологической перспективе доксоморфный дискурс описывается некоторым конечным осмысленным множеством предложений – доксой, имплицитно содержащей организующую данное множество операцию – «точку зрения», индивидуализирующую ту партикулярную перспективу, исходя из которой следует анализировать или рассматривать некоторый предмет мнения («мнимое») и которая является своего рода логической аппликацией, или супрасегментарной функцией, собирающей множество в целое, части которого более неразличимы.

Соответственно, значение такого рода сложных знаковых практик, как повествовательные структуры нормального языка, опосредованных доксой, или логической формой мнения, заключено вовсе не во внеположенном этому дискурсу референте, отражением которого ему предписывается быть, поскольку доксоморфное употребление языка неразрывно связано с не-номологическими, т.е. параграмматическими артикуляциями в дискурсе, что, соответственно, требует замены понятия языкового закона (*νομος*) понятием языковой упорядоченности (*διεξοδος*) или осмысленности (*Besonnenheit*), когда нормальный язык предстает не как механизм, управляемый определенными заранее установленными принципами, а как своего рода структура, согласуемые части которой зависят друг от друга и поочередно, в зависимости от характера употребления, начинают доминировать, не теряя при этом особенностей, обусловленных их принадлежностью к той или иной супрасегментарной функции.

В целом своеобразие понимаемого таким образом мнения позволяет решительно отделить его от возможного отождествления с «квазизнанием» и «вероятностным знанием», что характерно для сосредоточенных преимущественно на номотетико-дедуктивной форме аргументации эпистемологических проектов, которые, по сути, не замечают или не желают замечать в

нормальном языке огромный регистр дифференцированных и противопоставленных дискурсивных практик означивания, тесно связанных с особой – многослойной и множественной – структурой означающего, т.е. языкового, знака.

Необходимо отметить, что только при анализе взаимосвязей, функционирующих в доксоморфном дискурсе, можно обнаружить тот динамический процесс, в ходе которого знаки получают значение или меняют его. И поскольку именно при доксоморфном употреблении языка практически осуществляется «тотальность» логической структуры, используемой субъектом доксоморфного дискурса – супрасегментарной функции, которая по своей сути есть экспликация индивидуализируемого мнением способа означивания (ведь, по сути, нормальный язык и его знаки, взятые сами по себе, т.е. вне некоего способа означивания – супрасегментарной функции, или *Как-формы* (*AlsForm*), оказываются «целиком и полностью пусты» [1, с. 450], т.е. лишены значения) и которая имплицитно всегда наличествует в нем, то это предоставляет все необходимые аргументы в пользу утверждения, согласно которому доксоморфное употребление языка – это освоение и выявление потенций, заложенных в языке, творческая деятельность [2], с помощью которой субъект-доксогент освобождается от давления целого ряда языковых и психических схем, и динамическое начало, нарушающее инерцию языковых привычек и дающее уникальную возможность изучить значение знаков в их становлении [3].

В этом смысле доксология, делающая центром приложения своих аналитических усилий рассмотрение свойств доксоморфного дискурса, включает в себя все те традиционные положения семиотики, которые носят необходимый и формальный характер, иными словами, здесь имеется в виду, что исследованию подвергаются такие особенности знаков, на основе которых мы получаем совершенно необходимые суждения по поводу того, каковы должны быть свойства знаков, используемых мышлением, и каким принципам они подчиняются [4].

При этом безусловно, что познавательный доступ к этим знакам возможен не иначе, как через язык [5], а это позволяет утверждать, что доксология является логико-семиотическим учением, которому надлежит заниматься исследованием таких больших значащих единиц нормального языка, как повествовательные структуры, опосредованных логической формой мнения, и которое рассматривает именно логическую форму как структуру, где следует искать способы такой означающей деятельности, о которых семантика, по традиции анализирующая репрезентативную и коммуникативную речь, либо вовсе ничего не сообщает, либо которые маркирует в качестве неправильного, т.е. аномального, алогического и аграмматического, употребления языка. Стоит отметить, что в противоположность этому доксология утверждает, что *на мнения следует смотреть как на способы означающей деятельности*, совершающейся в нормальном языке, и, соответственно, как на процесс переработки и преобразования самого тела языка.

Таким образом, суммируя приведенные выше рассуждения, следует отметить, что *δόξα* (мнение) в противовес *ἐπιστήμη* (знанию) есть операция, которая не заслонена репрезентативной и коммуникативной нагруженностью речи. Ее суть заключается в плюрализации незамкнутых дискурсивных практик, неподчиненных одному-единственному смыслу как центру регуляции

значения любых повествовательных структур нормального языка. И поскольку δόξα демонстрирует перед семиотикой особый тип функционирования дискурса, внеположенный аристотелевской логике, то перед таким логико-семиотическим учением, как доксология, стоит задача создания иной логики, позволяющей исчислять значение доксоморфного дискурса, взятого как целое. Иными словами, мнение предлагает семиотике такую проблематику, которая позволяет проникнуть сквозь непрозрачность произведенного знакового ансамбля (δόξα) и проанализировать в наличном теле языка процесс возникновения и трансформации смысла, т.к. «язык служит не только моделью, но и основой смысла» [6, с. 33]. Именно для такого рода логико-семиотического исследования доксология предлагает аналитический инструментарий, не ограниченный способностями рассматривать только лишь свойства изобразительности и репрезентативности в языке посредством изучения отношений означающего к означаемому, поскольку, не довольствуясь поверхностным упорядочиванием такого целостного ансамбля, как логическая форма мнения – докса, т.е. некоторое осмысленное конечное множество высказываний, доксология обращается к процессу конституирования значения в доксоморфном дискурсе. При этом она принципиально отталкивается от того, что *мнение – это не коммуникативная речь, кодифицированная в грамматике, оно не ограничивается тем, что просто репрезентирует (обозначает) реальность или ее фрагменты*. Более того, «не следует смешивать понятия *значить* и *сообщать*; *значить* – это не просто передавать информацию, то есть участвовать в коммуникации, но и образовывать структурные системы знаков, то есть по сути своей системы отличий, оппозиций и контрастов» [7, с. 417], отстаивая тем самым утверждение, согласно которому, если мнение что-то обозначает, то оно вызывает эффект смещения в том, что и репрезентирует, участвуя, по сути, в установлении и преобразовании реальности посредством определения языком своих границ, и по сути «...любой язык подминает под себя вещи, коннотирует реальность» [8, с. 390]. Иначе говоря, отнюдь не воссоздавая (и не симулируя) неизменную реальность, мнение предоставляет место (τοπος), в котором происходят трансформации языка, проявляющего границы собственной выразительности, и тем самым способствует его осуществлению, трансформируя одновременно с этим логическую и грамматическую структуры языка путем введения в них своих собственных означаемых, упорядочиваемых в соответствии с имплицитно наличной в любом мнении, интерпретируемом как означающий комплекс, супraseгментарной функцией. При этом то, что мнение трансформирует саму семиотическую систему, означает, что оно не может создаваться как знак, денотируемый чем-либо внеположным ему, ни в начальный, ни в последующий момент своего генезиса и не является знаком подобного рода в целом. Более того, то, что мнение не именует и не детерминирует ничего внешнего по отношению к нему, выступая в повествовательных структурах нормального языка в качестве места согласования элементов (знаков) последнего, что не признавала ни одна лингвофилософская теория речи-знака, в свою очередь, позволяет пересмотреть, казалось бы, незыблемый эссенциалистский и дескриптивистский постулаты о сущности вещей и их форме. Мнение как познавательная форма (*Erkennen-Form*) связывает знаки и элементы мысли таким образом, что не устанавливает для себя правила первичной изотропности и, тем самым избегая оснований утвердительного (денотативного) дискурса, на которых покоится сходство,

и структуры референции [9, с. 73], оно заставляет играть чистые подобию и неутвердительные высказывания в месте (топос), где осуществляется мышление посредством знаков и располагаются сами знаки и в котором нельзя различить никакой структуры, поскольку взятое само по себе есть нечто обесформленное (*Gestaltlosigkeit*). Соответственно этому, мнение обладает интенцией, ориентированной на саму знаковую систему – нормальный язык, внутри которой оно создается, в котором оно артикулируется в качестве доксоморфного дискурса.

Исходя из приведенных рассуждений, следует отметить, что, безусловно, дифференциацию и анализ специфики такого особого вида означающей деятельности, как мнение, необходимо проводить, ориентируясь на две четко установленные границы (*limes lingua*), пролегающие в теле такой знаковой системы, как нормальный язык: коммуникативную речь и денотативную речь.

Приводя аргументы в пользу необходимости различения границы, пролегающей между мнением и коммуникативным дискурсом, следует отметить, что если означающая деятельность, осуществляемая доксоморфным дискурсом, предстает как дифференцированная бесконечность способов означивания с ничем не ограниченной комбинаторикой, то мнение оказывается такой структурой, которая принципиально избавляет субъекта-доксогента от его отождествления с инстанцией коммуникации, не позволяя ему превратиться в «зеркальную сущность» – *glassy essence*, отражающую реальность или ее фрагменты. Не являясь ее каузальным следствием, мнение инкорпорирует своего «коммуникативного адресата», т.е. потенциального реципиента предлагаемых мнением «мнимых» структур и способов означивания, в совокупность собственных отличительных признаков, очерчивая тем самым некую зону разнообразных маркеров – интервал значения, приемлемый при данных способах означивания, нецентрированная денотатом совокупность которых – докса – позволяет достичь поливалентности повествовательных структур нормального языка без какого бы то ни было единства содержащихся в нем практик означающей деятельности.

Как следствие, такая особая познавательная форма, как мнение, препятствует однозначному и догматическому отождествлению языка с системой, коммуницирующей смысл, элиминируя коммуникативную поверхность языка, мнение оказывается таким означающим комплексом, который позволяет снять – *Aufhebung* – линейную понятийную механику, интерпретируя структуру реальности как структуру, не сводимую к одному-единственному смыслу, но состоящую скорее из различных способов означивания, множественный ряд которых не имеет ни начала, ни конца [10, с. 120], в то время как коммуникативная поверхность тела языка вместе с лежащей в ее основе идеологией конвенционализма представляет собой всего лишь внеструктурный эффект доксоморфного дискурса. Более того, функционируя в пределах линейной речевой цепочки, знак выявляет саму топологию коммуникативного обмена, поскольку оказывается, что коммуникация требует вовсе не множества инстанций, но выделение и линеаризацию одной-единственной – инстанции говорящего субъекта. Таким образом, коммуникация есть не что иное, как преодолевающая препятствия экспансия инстанции дискурса говорящего субъекта, т.е. самого репрезентатива, или знака, а это также означает,

что сам субъект и есть знак, что он не может сформироваться вне и помимо знака [11, с. 293].

В отношении необходимости различения границы, пролегающей между мнением и денотативным дискурсом, можно привести тот аргумент, который уже неоднократно упоминался и согласно которому мнение, имплицитно содержа способ означивания, тем не менее ничего не «изображает» и ничем не денотируется, в нем не найти ничего такого, что было бы внеположено артикулирующему его дискурсу, что было бы независимо от доксы (некоторого вполне определенного конечного множества высказываний), удостоверяющей и сертифицирующей значение любого из знаков, используемых доксоморфным дискурсом. Именно поэтому предметом анализа для доксологии становится сама соотношенность знаков внутри артикулирующего их дискурса.

Таким образом, доксоморфная продуктивность в языке внеположна символической линейности дискурсов иного типа, поскольку в рамках доксы нечто внешнее – денотат – не пользуется знаком, как это имеет место при коммуникации, а, наоборот, используется им, т.е. знаком, в своих собственных интересах, т.к. по преимуществу, если не вообще в целом, доксоморфный дискурс носит фикционалистский характер [12, с. 410–411]. Все это предполагает, что мысль как трансформирующая способность, осуществляемая через любой продуктивный транслингвистический акт, есть, безусловно, перераспределение и перестройка самой знаковой системы, реализовываемая через посредство такой деятельности, которая приводит к конституированию доксоморфного дискурса. Тем самым наличие коммуникации, с помощью которой передаются определенные сведения, вовсе не представляет для доксы необходимого условия.

Признавая, что семиотическая практика, которую представляет собой денотативная речь, является лишь одной из возможных означивающих практик, доксология специально акцентирует внимание на том, что место (*тоπος*), в котором располагаются тела знаков и сами значащие структуры, не должно элиминироваться из логико-семиотических исследований, хотя, безусловно, его анализ сталкивается со значительными трудностями, связанными прежде всего с тем, что здесь нельзя различить никакой структуры, подлежащей описанию, поскольку оно и является тем, что формообразует (*das Gestalten*), но, тем не менее, взятое само по себе есть нечто обесформленное (*Gestaltlosigkeit*). И именно поэтому требуется создание корректного и адекватного логико-семиотического инструментария, позволяющего изучать сам процесс семиогенеза – возникновения, структуризации и наделения знака значением, артикулируемым в той или иной дискурсивной практике. При этом сами *тела знаков есть* то, что определяется согласно представлениям глоссематики как *фигуры*, или незнакомы, которые инкорпорируются знаковой системой в качестве частей знаков и посредством ограниченного набора которых язык образует необходимое число знаков, делая явной тем самым принципиальную грань собственной структуры, заключающуюся в построении знака из ограниченного числа фигур [13, с. 70].

Таким образом, для того чтобы основать теорию доксоморфного значения, требуется деконструкция старой, непосредственно или косвенно связанной с анализом денотативного дискурса, и конструирование новой терминологии – точного и строгого языка анализа, применимого к семиотическим практикам, организованным иначе, нежели кодифицированный денотативный

язык. При этом подобная теория выделяет себе иной, нежели лингвистика или семиотика, предмет анализа – аксиоматически сконструированный и денотонированный (*δυνάτον*), т.е. возможный, предмет, который в контексте признания *мнения первичной системой дескрипции и референции*, своего рода *инфразыком*, или *языком логических примитивов*, позволяет вскрыть и сделать явной *рефлексирующую продуктивность нормального языка*, проявляющуюся в рамках доксоморфного дискурса.

В связи с этим становится понятным, что доксология в качестве принципиальной своей цели делает создание формального метода исследования, позволяющего корректно и адекватно анализировать специфику такой саморефлексирующей знаковой системы, как нормальный язык. Формальные модели и операциональные понятия для подобной процедуры исследования могут предоставить семиотика, логика, лингвистика и математика. Тем самым, *предлагая определенную формализацию*, но и не сводясь к ней, а используя ее лишь операционально, т.е. формулируя принципы того или иного типа означивания, *доксология представляет собой логико-семиотический дискурс, интегрирующий все свои построения в создание нового проекта гносеологии*, поскольку, действительно, мнение как познавательная форма представляет собой именно то, что невозможно помыслить в согласии с объяснительными схемами, лежащими в основании современной лингвофилософии, сосредоточенной на анализе коммуникативной или денотативной речи, т.к. именно в рамках мнения и очерчиваются границы языка как системы способов означивания. Поэтому доксология, не заблокированная такими концепциями познавательной деятельности, в которых мнение игнорируется как специфический вид дискурсивной и познавательной практики, дает возможность трансформировать семиотическую теорию означивания и логическую теорию значения в гносеологию – учение о правилосообразной означивающей деятельности, поскольку «правильно» означить и есть познать. Отсюда становится вполне понятным положение, согласно которому когнитивные процессы и процедуры означивания столь тесно связаны между собой, что «...знак не ожидает пассивно прихода того, кто может его познать: он всегда конституируется только посредством акта познания» [14, с. 109].

Список литературы

1. **Фихте, И. Г.** Наукоучение 1805 г. / И. Г. Фихте // Система учения о нравах согласно принципам наукоучения : Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 349–480.
2. **Хомский, Н.** Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Н. Хомский. – М. : КомКнига, 2005. – 232 с.
3. **Кристева, Ю.** Σημειωτική. Исследования по семанализу / Ю. Кристева // Избранные труды. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 31–394.
4. **Пельц, Е.** Семиотика и логика / Е. Пельц // Семиотика: антология. – М. ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 151–164.
5. **Соссюр, Ф.** Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М. : КомКнига, 2006. – 256 с.
6. **Барт, Р.** Система моды / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – С. 29–56.
7. **Барт, Р.** Семантика вещи / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – С. 416–426.
8. **Барт, Р.** Фотографическое сообщение / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – С. 378–392.

9. **Фуко, М.** Это не трубка / М. Фуко. – М. : Художественный журнал, 1999. – 152 с.
10. **Гудмен, Н.** Способы создания миров / Н. Гудмен // Факт, фантазия и предсказание. – М. : Идея-Пресс ; Логос ; Праксис, 2001. – С. 115–256.
11. **Бенвенист, Э.** О субъективности в языке / Э. Бенвенист // Общая лингвистика. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – С. 292–300.
12. **Деррида, Ж.** Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М. : Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 407–426.
13. **Ельмслев, Л.** Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.
14. **Фуко, М.** Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 488 с.

Нехаев Андрей Викторович

кандидат философских наук,
преподаватель, кафедра гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Омский танковый инженерный
институт им. П. К. Кошевого

E-mail: a_v_nehaev@rambler.ru

Nekhaev Andrey Viktorovich

Candidate of philosophy, lecturer,
sub-department of humanitarian
and social-economic disciplines,
Omsk tank engineering institute
named after P. K. Koshevoy

УДК 165.3

Нехаев, А. В.

Логико-семиотические свойства доксоморфного дискурса /
А. В. Нехаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2009. – № 3 (11). – С. 48–54.